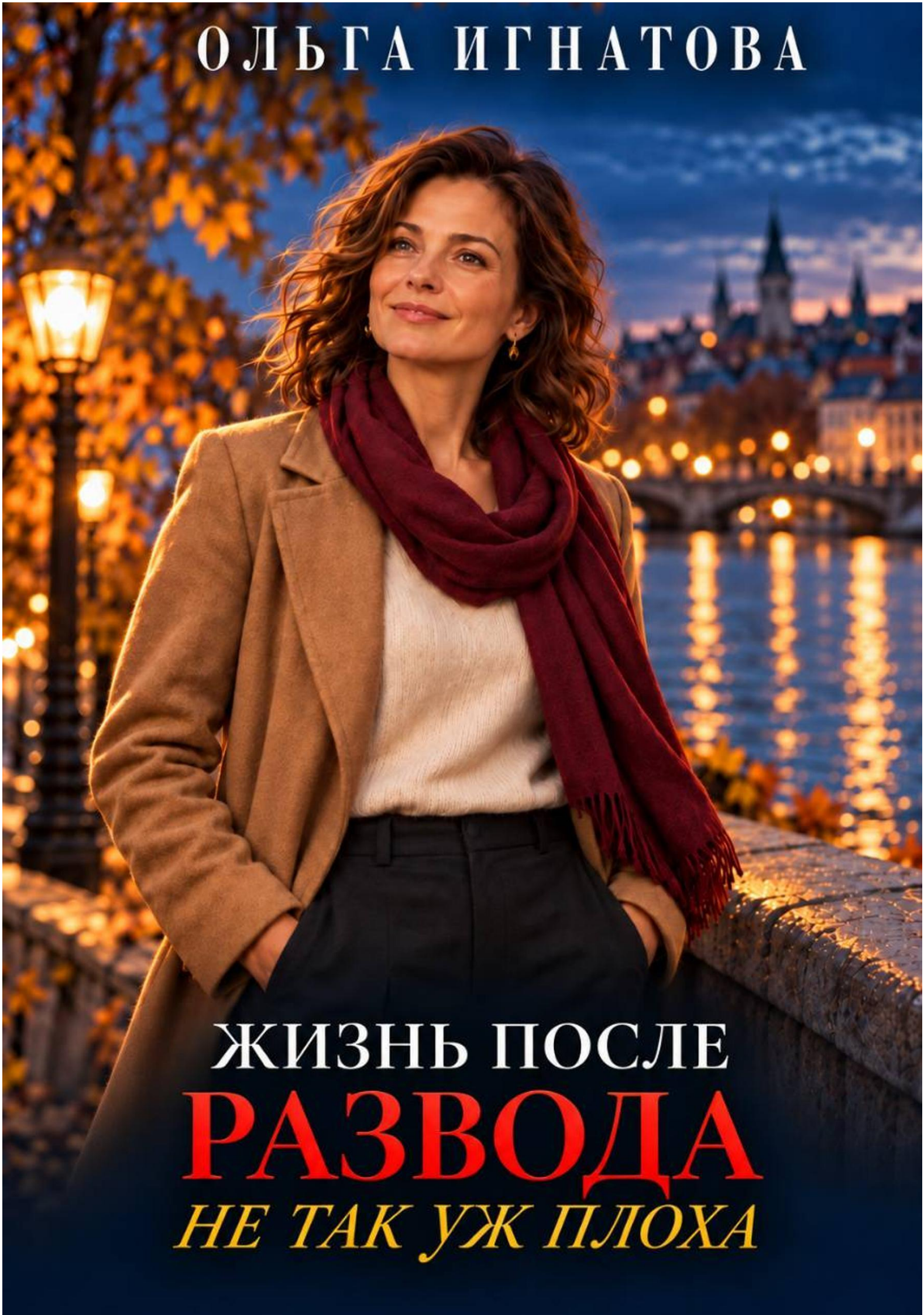
ОЛЬГА ИГНАТОВА

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗВОДА

НЕ ТАК УЖ ПЛОХА

Ольга Игнатова

Жизнь после развода не так уж плоха

«Автор»
2026

Игнатова О.

Жизнь после развода не так уж плоха / О. Игнатова — «Автор», 2026

Через семь минут после развода бывший муж попросил меня погладить ему рубашку.Мне сорок четыре. За плечами — двадцать два года брака, взрослая дочь и привычка быть удобной для всех. Глеб уже строит новую жизнь с другой женщиной, но почему-то уверен, что я по-прежнему буду решать его проблемы.Только теперь всё будет иначе.Новая работа в небольшом отеле, собственная квартира и первые попытки жить для себя. А ещё Денис — постоялец седьмого номера, рядом с которым мне снова хочется смеяться, ходить на свидания и верить в любовь.Но его командировка скоро закончится. Бывший муж неожиданно захочет всё вернуть. А дочь по-прежнему мечтает, чтобы родители помирились.И теперь мне предстоит сделать самый непростой выбор: вернуться в привычную жизнь или наконец построить свою.**Ведь, оказывается, жизнь после развода не так уж плоха.**

© Игнатова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Привычная просьба 5
Глава 2. Тихий двор 8
Глава 3. Номер семь 11
Глава 4. Планы на выходной 14
Глава 5. Долгая ночь 17
Глава 6. Утро без героизма 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ольга Игнатова
Жизнь после развода не так уж плоха

Глава 1. Привычная просьба

Через семь минут после развода Глеб попросил меня погладить ему рубашку.

Мы стояли на ступеньках, и я всё ещё пыталась убрать бумаги в прозрачный файл. Край цеплялся за уголок. У меня были заняты обе руки, с плеча сползала сумка, а бывший муж держал передо мной пакет с логотипом магазина мужской одежды.

— К завтрашнему дню сможешь? — спросил он. — Там ткань какая-то дурацкая. Сам пробовал, только хуже сделал.

Я взяла пакет. По привычке. За двадцать два года мы довели передачу вещей до такого совершенства, что мне не требовалось смотреть: Глеб протягивал, я подхватывала.

Рубашка была светло-голубая. Новая. Я таких ему не покупала, потому что он всегда говорил, что голубой его полнит.

— Она уже стираная? — спросила я.

— Конечно. Там на ярлыке посмотри. Только не очень горячим.

На ступеньки вышла молодая пара. Девушка засмеялась, парень придержал для неё дверь, и я зачем-то отступила, освобождая им дорогу. У них в руках тоже были бумаги. Я не стала гадать какие.

— Заберу вечером, — продолжил Глеб. — Или ты, если поедешь в ту сторону…

Я посмотрела на него. На знакомую складку между бровями, на коротко подстриженные виски. Два месяца назад он объяснил мне, что устал от нашего уклада и хочет пожить иначе. Тогда я долго выспрашивала, что именно у нас не так. Про квартиру, про отпуск, про свою привычку засыпать под телевизор. Он отвечал, что дело вообще не в телевизоре.

Кристину я увидела в конце августа. Она ждала его у работы. Стояла под большим красным зонтом и смеялась, пока Глеб пытался сложить в багажник какую-то коробку. Я шла к автобусной остановке с папкой резюме. Наш учебный центр уже закрылся, и в тот день мне отказали в двух местах.

Больше я ни о чём не спрашивала.

— Марин? — Он кивнул на пакет. — Ты чего зависла?

— Не заберёшь.

— Что?

Я протянула ему рубашку обратно. Он не сразу поднял руку. Нам обоим пришлось подержать пакет за разные ручки.

— Я не буду гладить.

— Почему?

На этот вопрос у меня нашлось сразу несколько ответов, и все звучали так, будто я собиралась выступать перед комиссией. Потому что мы развелись. Потому что у него другая женщина. Потому что я сегодня полночи не спала, а утром никак не могла решить, надеть серьги или это будет выглядеть вызывающе.

— Не хочу, — сказала я.

Глеб моргнул.

— Да ладно тебе. Я же не заставляю. Просто попросил.

— Я услышала.

Он наконец забрал пакет. Скомкал ручки, посмотрел на часы. На завтра у него было совещание в головном офисе, потом чей-то день рождения. Я знала это, хотя уже жила отдельно.

Вчера он позвонил уточнить, где лежит дорожный чехол для костюма, и заодно рассказал планы.

— Ну, как знаешь, — произнёс он. — Из-за рубашки устраивать…

— Я ничего не устраиваю.

Слова вышли громче, чем я рассчитывала. Девушка у нижней ступеньки обернулась. Я отвела глаза.

Глеб сунул пакет под мышку.

— Тебя подвезти?

— Нет, спасибо.

Он пожал плечами и пошёл к машине. Через несколько шагов оглянулся:

— Соньке позвони. Она мне с утра три раза набирала, я не мог говорить.

Я уже открыла рот, чтобы сказать «хорошо», но успела прикусить щёку.

— Сам перезвони. Она тебе звонила.

Он махнул рукой. Не сердито, скорее нетерпеливо. Как машут человеку, который внезапно начал усложнять обычные вещи.

Когда его машина выехала со стоянки, у меня дрожали колени. Я села на лавку возле клумбы. Белые цветы в ней уже подсохли по краям, в земле лежала обёртка от мороженого. Рабочий в оранжевом жилете старательно поливал всё вместе.

Мне было сорок четыре года. Я только что официально закончила брак и больше всего переживала, что нагрубила человеку, которому не погладила рубашку.

Телефон зазвонил, когда я наконец спрятала бумаги.

— Ну? — спросила Алла.

— Всё.

— Ты где?

— На лавке.

— Отличное место. Сиди. Я сейчас клиентку досушу и перезвоню.

В трубке загудел фен.

— Не надо, я домой поеду.

— Тогда поешь. У тебя голос такой, будто тебя сейчас будут кормить через зонд.

— Я отдала ему рубашку.

Фен выключился.

— Какую?

Я рассказала. Алла несколько секунд молчала, потом сказала:

— Так. За это полагается обед. Что-нибудь с картошкой. Я бы взяла ещё десерт, но у меня твои анализы перед глазами не лежат, решай сама.

Я рассмеялась. Смех получился короткий и неприятно похожий на всхлип.

— Алл, он даже не понял.

— А тебе надо, чтобы понял, или чтобы рубашку забрал?

Я посмотрела на пустую ладонь. На коже осталась красная полоска от ручки пакета.

— Забрал.

— Ну и хорошо. Я через полчаса освобожусь.

Обедать я всё-таки пошла одна. В столовой возле остановки взяла котлету, пюре и компот. Женщина на кассе спросила, нужен ли хлеб. Я уже собиралась ответить за двоих и вовремя остановилась.

Дома пришлось толкнуть дверь коленом: ключ в замке поворачивался туго. Квартира досталась мне от мамы четыре года назад. Всё это время здесь жили квартиранты, а я собиралась когда-нибудь заняться ремонтом. Теперь жильцы съехали, на стене остался светлый прямоугольник от их телевизора, и ремонт постепенно превращался из планов в необходимость.

В комнате было два стула, мамин диван и три мои коробки. Глеб предлагал забрать кровать из нашей спальни. Я отказалась, хотя диван оказался короче, чем запомнился.

На кухне стояла тарелка с позавчерашними сушками. Я налила воды в чайник и положила телефон на подоконник. Соня прислала: «Вы уже всё?»

«Да. Я дома. Вечером поговорим?»

Она ответила не сразу.

«У меня пары до шести».

Я набрала «Как ты?» и стёрла. Написала: «Тогда после шести. Я на связи».

Папка с резюме лежала на холодильнике. За последнюю неделю я научилась рассказывать незнакомым людям, что умею работать с клиентами, вести расписание и разбирать конфликтные ситуации. При этом слово «возраст» они почти никогда не произносили. Просто после вопроса о дате рождения разговор становился короче.

Одно объявление я сохранила ночью. Небольшому отелю требовался администратор. Смены по двенадцать часов, обучение, работа с программой бронирования. В конце было написано: «Зрелость и спокойный характер приветствуются».

Я решила, что спокойный характер они ещё успеют проверить.

На звонок ответил женский голос.

— «Тихий двор», слушаю.

— Я по поводу работы.

— Администратором?

— Да. Если ещё актуально.

— Актуально. Вам когда удобно подойти?

Я посмотрела на чайник, на бумаги о разводе, на надкушенную сушку в руке.

— Сегодня могу.

— К трём успеете?

До трёх оставалось сорок минут.

— Успею.

Она продиктовала адрес. Я записала его на обороте листа, который первым попался под руку, и только потом увидела: это был старый список покупок. Внизу моим почерком значилось «пенка Глебу, носки, батарейки».

Я перечеркнула весь список одной линией, нашла чистую бумагу и переписала адрес.

Потом открыла шкаф. На вешалке висела белая блузка, которую следовало погладить. Утюг был мой, рабочий и стоял на виду.

Я достала доску.

Глава 2. Тихий двор

Отель оказался ниже соседнего здания и как будто немного стеснялся своей вывески. Над воротами висела металлическая табличка, в палисаднике росла высокая трава, а у входа стояла урна с аккуратно завязанным чёрным пакетом.

Внутри пахло кофе и тёплым бельём. Этот запах понравился мне больше, чем вывеска.

Девушка за стойкой подняла голову.

— Заселение с двух, но если номер готов, можно раньше.

— Я на собеседование.

— А. Тогда вам к Тамаре Николаевне. Подождите минуту, она у сантехника.

Из коридора донеслось:

— Я не собираюсь платить за одну прокладку как за новый унитаз!

Девушка чуть заметно улыбнулась.

— Уже заканчивают.

Я села на диван. Под обивкой что-то хрустнуло. Между подушками обнаружился журнал за прошлый год; я вытащила его и положила на столик. На обложке обещали, что правильно выбранный цвет стен изменит мою жизнь.

Я оглядела бежевые стены. Пока они не справлялись.

Тамара Николаевна вышла из коридора с разводным ключом. Невысокая, с короткой седой стрижкой, в тёмных брюках и жилете. Ключ она держала так, словно это был предусмотренный дресс-кодом аксессуар.

— Волкова?

— Да. Марина.

— Пойдёмте.

В кабинете было тесно. Половину стола занимали папки, другую — детский рисунок в рамке и большая чашка без ручки. Тамара Николаевна пристроила ключ на подоконнике.

— Опыт в гостинице есть?

— Нет. Двенадцать лет в учебном центре. Запись на занятия, оплаты, расписание, родители, преподаватели.

— Родители хуже постояльцев?

— Зависит от того, насколько близко выпускные экзамены.

Она взяла резюме. Читала внимательно, не делая вида, что уже всё решила.

— Центр закрылся?

— В августе. Хозяева не продлили аренду. Нас предупредили заранее, но новое помещение так и не нашли.

— Почему к нам?

Потому что вы единственные написали, что мой возраст может пригодиться, подумала я.

— Работа знакомая по смыслу. С людьми я умею. Программу выучу. Живу в трёх остановках отсюда.

— Ночью подменить иногда сможете?

— По предварительной договорённости. Постоянно ночью не хотела бы.

Я услышала собственный ответ и испугалась: сейчас решат, что слишком много условий.

Тамара Николаевна лишь кивнула.

— Для ночей у нас отдельные люди. Иногда болеют. Пётр Ильич, например, с дачи привозит не урожай, а простуду.

Она перелистнула резюме.

— Смены с восьми до восьми, два через два. Сорок две тысячи на руки за полный месяц по графику. Дополнительные выходы оплачиваются отдельно. Первую смену с Лидой, потом

посмотрим. Испытательный срок оформим как положено. Никаких недель бесплатно «попробовать».

Я спросила про перерыв, про обязанности и про уборку номеров. В одном месте на прошлой неделе мне предлагали быть администратором, уборщицей и человеком, который «при необходимости быстро что-нибудь приготовит».

— Номера убирают Раиса и Галя, — ответила Тамара Николаевна. — У гостей общая кухня. Завтраки по заказу возим из кафе через дорогу. Вы принимаете брони, встречаете людей, следите за оплатами и решаете текущие вопросы. Если человек просит дополнительное одеяло, не надо ждать, пока он напишет об этом отзыв. Если просит жареного гуся, его у нас нет.

— А если ему обещали?

— Выясняете, кто обещал. Потом зовёте меня. Гуся всё равно нет.

Мы обе улыбнулись.

Она провела меня по отелю. Двенадцать номеров, из них три наверху пока закрыты. В остальных были чистые кровати, простые шкафы, телевизоры и ванные комнаты, которые помнили лучшие времена, но старательно это скрывали.

В третьем номере Тамара Николаевна задержалась у окна.

— Вот здесь после дождя иногда сыреет угол. Проверяем. Если увидите следы — сразу говорите, не маскируйте шторами.

— А десятый, одиннадцатый и двенадцатый когда откроются?

— Когда будут деньги на ремонт. Пока продаём девять. Лучше девять честных, чем двенадцать с приключениями.

На втором этаже нас обогнала женщина с высокой стопкой полотенец. Она несла её на уровне подбородка и выглядывала сбоку.

— Раиса, — представила её хозяйка. — Наш порядок.

— Порядок сегодня до пяти, — сказала Раиса. — Потом у меня зубной.

— Помню. Это Марина, будет учиться на стойке.

— Очень хорошо. А то Лида уже по двум телефонам говорит, а мне отвечает кивками.

Лида действительно одновременно отвечала на звонок, печатала и показывала кому-то через стекло, где парковка. Я невольно выпрямилась. Хотелось помочь, хотя я пока не знала даже внутреннего номера хозяйки.

Тамара Николаевна проследила за моим взглядом.

— Возьмётесь?

— Да.

— Тогда в понедельник к восьми. А сейчас можно час посидеть с Лидой, если время есть.

Время у меня было. Я села на высокий стул за стойкой, и Лида выдала мне блокнот.

— Сразу предупреждаю: если человек говорит «я у вас всегда останавливаюсь», это ещё не значит, что у него всегда одна цена.

— Поняла.

— Если говорит «я только на пять минут», тоже не значит.

Она повернула ко мне экран. Цветные прямоугольники обозначали номера и даты. Всё выглядело одновременно понятно и опасно: я уже видела, как можно промахнуться мышкой на один день.

Лида объясняла быстро, потом заметила, что я не успеваю записывать, и сбавила темп.

— Простите. Я сама тут сначала каждому гостю выдавала пароль от служебного интернета. Тамара Николаевна не знает.

— Теперь знаю, — донеслось из кабинета.

Лида закрыла глаза.

Я тихо засмеялась. Впервые за день мне стало легко без специальной причины.

Мы разобрали две брони, отменили одну ошибочную заявку и нашли телефон кафе. Потом позвонил мужчина, который хотел поселиться с собакой размером «небольшая, обычная». На уточняющий вопрос выяснилось, что обычная собака весит тридцать восемь килограммов.

Лида не стала ни ругаться, ни немедленно соглашаться. Открыла правила, уточнила условия и обещала перезвонить после разговора с хозяйкой.

Я подумала, что мне нравится, как здесь можно сказать «уточню» и от этого не перестать быть компетентной.

Домой я вернулась после пяти. В шесть позвонила Соне, как обещала. Она долго рассказывала про преподавателя, который потерял список допусков, а я слушала и разглядывала свою блузку. На рукаве остался серый след от стула.

— Ну а ты как? — наконец спросила дочь.

— Устроилась на работу. В отель.

— Прямо сегодня?

— Прямо сегодня. В понедельник начинаю.

— Мам… А ты точно хочешь? Там же всякие люди приезжают.

Я посмотрела на блокнот. На первой странице крупно написала: «Не обещать, пока не проверила».

— В учебный центр тоже всякие приходили.

— Просто папа говорил, ты пока отдохнёшь.

— Я уже отдохнула.

Соня помолчала.

— Он завтра к нам приезжает. Говорит, поговорим. Ты не против?

— Конечно нет. Он твой папа.

Слова дались не совсем легко, но дочь тут была ни при чём.

После разговора я сварила себе гречку. Насыпала по старой мерке и получила целую кастрюлю. Посмотрела на неё, достала три контейнера и убрала два в морозилку.

В понедельник будет обед на работу. И во вторник тоже.

Глава 3. Номер семь

В понедельник я пришла на двадцать минут раньше и десять из них простояла под дождём: дёрнула служебную дверь вместо гостевой. Пётр Ильич наблюдал за мной через стекло, пока я не постучала.

— Я думал, вы курьер, — объяснил он, впуская меня.

— Курьеров не пускаете?

— Курьеры обычно знают, куда идти.

Он был сухой, высокий, с белыми бровями и аккуратным жилетом. На стойке перед ним лежали газета, очки и четыре пакетика сахара, выстроенные в ряд.

Лида приехала ровно к восьми, поставила рюкзак под стол и сразу заметила мои мокрые плечи.

— Через двор шли?

— Через профессиональный позор.

— А, боковая дверь. Я в первый день тоже.

Это немного утешило.

До обеда всё шло прилично. Я выдала два счёта, нашла потерянный зарядный провод и сумела объяснить гостю, почему раннее заселение нельзя гарантировать, если предыдущий человек ещё спит в номере. Он считал, что при желании всё можно организовать.

Лида сказала, что я держалась хорошо. Я не призналась, что просто боялась нажать лишнюю кнопку и потому говорила медленно.

Около часа пришёл мужчина с дорожной сумкой. Высокий, широкоплечий, в расстёгнутой куртке. Волосы у висков были светлее, чем на затылке. Он поставил сумку на пол, вытер ладонь о джинсы и подал паспорт.

— Лазарев. На длительное проживание. Компания бронировала.

Я нашла фамилию. Десять недель, седьмой номер, отдельный договор с организацией.

— Денис…

— Олегович. Но можно без отчества.

Я открыла нужное окно. В графе оплаты стояло «ожидается».

— У вас пока нет подтверждения платежа.

Он посмотрел на меня, потом на экран, который, конечно, ему ничего не показывал.

— Мне сказали, всё оплачено.

— Возможно, деньги ещё не отразились. Я уточню.

Лида в этот момент ушла показывать семейный номер, а Тамара Николаевна была в банке. Я позвонила ей. Она не взяла трубку.

Мужчина посмотрел на часы.

— Мне через сорок минут на объект.

— Я понимаю. Минуту, пожалуйста.

В почте нашлось письмо от бухгалтерии его компании. К письму был прикреплён документ, но программа никак не хотела его открыть. Телефон снова зазвонил. Кто-то спрашивал, есть ли у нас номер «с хорошей энергетикой и подальше от холодильника».

— Я сейчас не могу оценить энергетику, — сказала я и тут же испугалась собственного голоса. — Простите. Могу посмотреть расположение.

Денис отвернулся. По плечам было видно, что он смеётся.

Я разобралась со звонком, вернулась к письму и обнаружила, что открываю не вложение, а маленький значок рядом с ним.

— Мне можно просто заселиться? — спросил он.

— Сейчас я проверю…

— Я девять часов в дороге. Компания у вас не первый раз людей селит.

Он не повышал голос. От этого я почему-то ещё сильнее напряглась. В учебном центре я знала все аварийные выходы из разговора. Здесь каждая пауза казалась доказательством, что я зря пришла.

Вернулась Лида. Одним взглядом поняла, в чём дело, открыла другую вкладку и показала мне строку.

— Вот. Платёж есть. Он к групповому договору привязан. Я это не объяснила, извините.

Лицо у меня стало горячим.

— Всё в порядке, Денис Олегович. Сейчас выдам ключ.

Я поставила подписи, проверила данные и протянула карточку. Он убрал её в карман.

— Спасибо. И Денис, пожалуйста. Я от отчества начинаю искать, где натворил.

В другой момент это было бы смешно. Сейчас я только кивнула.

Около трёх он снова подошёл к стойке. Без сумки, в чистой рубашке. Подождал, пока я закончу разговор.

— Скажите, а где тут поесть можно?

Я показала кафе через дорогу, столовую у вокзала и место с пирогами.

— Вы сами где едите?

— Сегодня у меня гречка.

— Серьёзный подход.

Он уже повернулся, потом задержался.

— Я утром резковато говорил. Вы не виноваты, что меня в поезде сосед оркестром развлекал.

— Оркестром?

— Носом. С вариациями. Я даже не знал, что один человек может взять такой диапазон.

Я всё-таки улыбнулась.

— А я могла быстрее позвать коллегу. Ещё учусь.

— Тогда квиты. Пироги вот там, за аптекой?

— Да. Только с мясом к этому времени обычно заканчиваются.

— Проверим.

Он ушёл. Я посмотрела на часы и поняла, что до конца смены ещё пять часов. Время тянулось иначе, чем дома: я не успевала ждать, кто мне позвонит.

Глеб написал в половине шестого. Прислал фотографию панели стиральной машины.

«Что нажать, чтобы просто отжало?»

Я открыла снимок. Сразу увидела нужный значок. Он был внизу справа, рядом с нарисованной спиралью. Можно было обвести его пальцем и отправить.

У стойки появилась Раиса с мокрым мешком для белья.

— Марина, у нас в пятом полотенец на одного не хватает. Они вдвоём, а в заявке один. Посмотрите, пожалуйста.

Я положила телефон экраном вниз и открыла заявку.

Через полчаса Глеб прислал:

«Разобрался».

Я ответила: «Хорошо».

В семь Денис вернулся с работы. Остановился у кофемашины в столовой, долго изучал кнопки, потом принёс к стойке пустую чашку.

— У вас тут тоже человек нужен с допуском?

Я подошла. В машине закончилась вода. Нужно было достать прозрачный контейнер и наполнить его под краном. Я проделала всё, что утром показывала Лида, поставила чашку, нажала кнопку. Кофе бодро полился мимо: чашку я сдвинула, когда закрывала дверцу.

Мы оба одновременно потянулись её поправить и стукнулись руками.

— Так, — сказал Денис. — По одному. Я чашку держу, вы командуете.

Кофе удалось спасти примерно наполовину.

Он сделал глоток, посмотрел в чашку и серьёзно произнёс:

— Зато без очереди.

Лида, заканчивавшая обучение перед завтрашней моей самостоятельной сменой, из-за стойки спросила:

— Вам второй сделать?

— Нет, — ответил он. — Этот уже с историей.

В половине девятого я вышла из отеля. Ноги болели, на блузке рядом с серым следом появилось кофейное пятно. Я по привычке достала телефон, чтобы позвонить Глебу и рассказать, как прошёл день.

Палец остановился над его именем.

Я закрыла список и набрала Аллу.

— У меня восемь минут до следующей клиентки, — сказала она вместо приветствия. — Если тебя уволили, говори быстро, я успею возмутиться.

— Нет. Но я облила постояльца кофе.

— Горячим?

— Никого не обожгла. И вообще в основном стол.

— Уже хорошее начало. Рассказывай.

Я шла к остановке и рассказывала. Когда подъехал автобус, оказалось, что самые неприятные минуты за день в пересказе стали смешными.

Глава 4. Планы на выходной

В свой первый свободный день я проснулась в шесть сорок и минуту пыталась вспомнить, что забыла. Потом вспомнила: ничего. На работу не нужно, Соня в общежитии, Глеб больше не завтракал на моей кухне.

Я перевернулась на другой бок. За окном сдавал назад мусоровоз. Он пищал с таким упорством, словно вывозил лично мой сон.

В семь я встала.

К девяти успела вымыть пол, разобрать коробку с чашками и найти в ней крышку от кастрюли, которая осталась у Глеба. Крышку я поставила у двери: вдруг пригодится передать. Потом посмотрела на неё и убрала в нижний шкаф. Две недели назад мы целый вечер делили вещи. Уточнять судьбу каждой крышки можно было до пенсии.

Алла позвонила, когда я домывала холодильник.

— К часу выйдешь? Сходим пообедаем, потом просто погуляем.

— Давай. Только я в магазин заскочу.

— И всё?

— И всё.

Я искренне так считала.

В половине десятого написала Соня: ей нужно было распечатать материалы к семинару, а на карте кончились деньги. Я перевела немного, спросила, сколько страниц. Она ответила: «Мам, я разберусь, спасибо».

Это почему-то слегка задело. Будто я предложила помощь и получила сдачу.

В десять позвонил Глеб.

— Ты сегодня дома?

— Пока да.

— Слушай, у меня там пакет с зимними вещами остался? В кладовке, синий.

— В какой кладовке? У меня одна антресоль.

— Ну где-то среди твоих коробок. Я не могу найти шарф.

Я оглядела комнату. Две неразобранные коробки стояли у стены. На одной было написано «Марина, кухня», на другой — просто «Разное». Последнее означало всё, что мы устали подписывать.

— Посмотрю.

— И если найдёшь, захвати. Я до двух в офисе, потом уеду.

— Я не собиралась в твою сторону.

— Так недалеко же. Ты на машине?

Машину мы продали ещё до оформления развода, деньги разделили. Глеб купил другую, а я решила пока обойтись автобусами.

Он замолчал, сам вспомнив.

— А, ну да. Тогда я кого-нибудь попрошу забрать.

Я уже доставала первую коробку.

Шарфа в ней не оказалось. Зато нашлась Сонина школьная папка с рисунками. Я открыла её и села прямо на пол.

На первом листе мы стояли втроём под солнцем, которое занимало четверть неба. У Глеба были длинные ноги и чёрный портфель, у меня — красные волосы, хотя я никогда не была рыжей. Соня нарисовала себе корону. Сверху детским почерком было написано «Моя симя».

Я провела пальцем по бумаге. В груди неприятно потянуло. Двадцать два года не были ошибкой от начала до конца. На рисунке все трое улыбались, и я помнила день, когда дочь его

принесла. Глеб тогда вернулся поздно, но всё равно повесил лист на холодильник. Криво, на два разных магнита.

Я посидела так, пока не затекла нога. Потом убрала рисунок обратно.

Шарф нашёлся в следующей коробке, вместе с моей старой курткой. Я сложила его в пакет и вдруг обнаружила, что прошло полтора часа.

Нужно было поесть, одеться, дойти до магазина. Вместо этого я решила ещё разобрать аптечку: в ней лежали мои лекарства и Глебовы витамины. Затем обнаружился неоплаченный домашний интернет на старый адрес. Он был оформлен на меня, и я полезла узнавать, как переоформить договор.

В двенадцать сорок Алла прислала: «Я уже в кафе».

Я стояла посреди комнаты в домашних штанах, с телефоном у уха. Автоответчик в третий раз предлагал оценить качество обслуживания, которое ещё не началось.

«Опаздываю минут на двадцать».

Она ответила одним знаком вопроса.

К кафе я подошла без двадцати два. Алла сидела у окна перед пустой тарелкой. На соседнем стуле лежала её сумка. Она не стала говорить, что всё в порядке.

— Прости, — сказала я, садясь. — Закрутилась.

— Я вижу.

— Там с интернетом надо было разобраться. И шарф этот…

— Марин, я с утра освободила себе день. Ты могла написать, что не придёшь.

Я положила сумку на колени. Хотелось объяснить ещё подробнее, чтобы она поняла, как одно дело цеплялось за другое. Но от этого Алла не переставала сидеть одна больше часа.

— Ты права. Я виновата.

Она помолчала, посмотрела на меня уже мягче.

— Еду закажи. У меня ещё полчаса есть, потом к отцу заехать надо.

Я заказала суп. Съела слишком быстро и обожгла язык.

— Ты тоже сегодня занята? — спросила я.

— Конечно. Я же не в шкафу хранюсь между нашими встречами.

Мы рассмеялись, хотя мне было стыдно.

Алла рассказала, что отец снова поссорился с соседкой из-за парковки. Потом показала фотографии новой причёски постоянной клиентки. Клиентка просила «чуть освежить» и в итоге разрешила убрать почти двадцать сантиметров. Алла сияла над фотографией так, словно выиграла небольшой международный конкурс.

Я слушала и понемногу приходила в себя.

— А шарф он забрал? — спросила она, когда мы вышли.

Я проверила телефон. Глеб написал, что нашёл другой и с этим пока не срочно.

Показывать сообщение не хотелось, но я показала.

Алла вздохнула.

— Ладно. Следующий обед выбираешь ты и приходишь вовремя.

— Договорились.

Мы разошлись на перекрёстке. Я дошла до остановки, посмотрела, когда будет автобус, и вдруг решила пройти пешком. До дома было всего сорок минут. Никто там меня не ждал, холодильник уже вымыт, шарф найден.

По дороге купила маленький пирог с вишней. Продавщица предложила большой: выгоднее. Я впервые за утро без колебаний выбрала то, что могла съесть сама.

У подъезда позвонила Соня.

— Мам, ты не сердишься?

— За что?

— Я утром резко ответила. Я просто на паре сидела.

— Нет, конечно. Я тоже могла догадаться по времени.

Она выдохнула.

— Папа спрашивает, ты в субботу свободна? Хочет пообедать втроём. Он мне привезёт документы, а я на выходные домой приеду.

Я сняла пальто и повесила на крючок. На кухне было тихо.

— В субботу у меня смена. В воскресенье могу с тобой встретиться.

— А с ним?

Я села на стул.

— Сонь, давай ты ему сама скажешь, когда тебе удобно. А я со своим расписанием разберусь.

Она замолчала. Потом тихо сказала:

— Я просто хотела, чтобы мы нормально.

Мне стало больно.

— Я тоже хочу. Но втроём пока не готова. С тобой очень хочу увидеться.

Мы договорились на воскресенье. После разговора я достала пирог и поставила чайник. Пакет с шарфом лежал у двери. Я перенесла его на антресоль, написала Глебу, где он будет, и убрала телефон в комнату.

Пирог оказался кислым. Я добавила к нему ложку сметаны и съела весь, даже не включая телевизор.

Глава 5. Долгая ночь

В пятницу дождь начался к обеду, а к семи вечера улица за стеклом стала похожа на неудачную акварель. Машины шли медленно, в свете фар вода летела почти горизонтально.

Я закрывала смену. Лида работала в другой день, Пётр Ильич уже переоделся в свой жилет и наливал чай. До восьми оставалось двенадцать минут, когда позвонил незнакомый номер.

— У вас десять человек можно разместить? На одну ночь. Прямо сейчас.

Я посмотрела на календарь. Пять свободных номеров, все с раздельными кроватями.

— В пяти двухместных. Что случилось?

— Автобус дальше не идёт. На трассе перекрыли участок из-за воды, водитель разворачивается. Мы экскурсионная группа, взрослые. До утра надо куда-то.

Голос у женщины был хриплый. На заднем плане кто-то спрашивал, где его зонт, и сразу другой человек отвечал, что зонт вообще не его.

Я назвала цену, условия, уточнила про оплату и время приезда. Никаких скидок от испуга не придумала, хотя очень хотелось согласиться на любую сумму, лишь бы люди не передумали.

Потом позвонила Тамаре Николаевне. Она выслушала, спросила номера и велела приготовить документы.

— Я приеду минут через сорок. Пётр Ильич один десятерых будет селить до завтра.

Он за моей спиной выразительно поднял брови.

— Я задержусь, — предложила я. — Если вы согласны. Только последний автобус у меня в десять.

— Такси оплатим, дополнительные часы тоже. Запишите в табель. И в десять уходите: завтра вам опять к восьми.

Я записала.

Люди появились через двадцать минут. Сначала женщина в мокрой зелёной куртке, потом двое мужчин с одинаковыми сумками, затем остальные. Из прихожей сразу потянуло холодом и мокрой шерстью.

Руководительницу звали Валерия. Она держала пакет с документами под курткой и больше всего боялась, что бумага размокла.

— Всё сухое, — сказала я, заглянув. — Сначала вещи поставьте. Здесь можно.

Пётр Ильич открыл багажную комнату и принёс коврик. Один из гостей сообщил, что ему обязательно нужна нижняя кровать.

— У нас все нижние, — ответил Пётр Ильич. — Мы пока не купе.

Мужчина засмеялся первым.

Я выдавала ключи и старалась не торопиться. Дважды проверяла фамилию и номер. Когда женщина в сером берете попросила поселить её с сестрой, выяснилось, что сестра стоит совсем в другой паре и уже договорилась с подругой.

Начались переговоры. Я молча подождала. В учебном центре родители в таких случаях успевали решить, что лучше моего расписания знают только расписание соседнего центра. Здесь десять взрослых людей в конце концов сами распределились по двое.

На середине заселения из коридора вышел Денис. В домашней футболке, с книгой под мышкой. Остановился, увидев очередь.

— Что у вас?

— Незапланированный заезд.

Валерия попросила зарядку для старого телефона. Я поискала в ящике забытых вещей и нашла всё, кроме нужной. Денис посмотрел на разъём.

— У меня в сумке, кажется, есть. Принести?

Она посмотрела на него с такой благодарностью, будто он предложил новый автобус.

Я подняла глаза от паспорта.

— Если вам не трудно.

— Дверь в семёрку всё ещё по этому ключу открывается?

— Пока да.

Он ушёл и вернулся с проводом. Потом придержал дверь пожилому мужчине с чемоданом. На этом его помощь закончилась, и мне это понравилось: он не пытался командовать чужим заселением.

Когда все получили номера, выяснилось, что люди не ужинали. Кафе через дорогу собиралось закрываться. Я позвонила туда, договорилась о десяти порциях супа и пирогах, записала общую сумму. Валерия согласовала её с группой. Мы сразу обсудили оплату, чтобы потом никто не удивлялся.

Пётр Ильич принёс из столовой большие кружки. Я сняла пиджак и закатала рукава. У одного из гостей промокла сумка, и он разложил на столе носки. Женщина в берете посмотрела на них поверх очков.

— Вадик, это место для еды.

Он спокойно убрал носки на соседний стул.

К тому времени приехала Тамара Николаевна. На ней был плащ поверх домашних брюк. Она вошла с пакетами из кафе, увидела столовую и остановилась.

— Ну, хоть кто-то сегодня в городе отдыхает.

Валерия устало рассмеялась.

Хозяйка помогла проверить оплаты и ушла в кабинет. Пётр Ильич разносил ложки. Я ловила себя на том, что говорю тем самым спокойным голосом, которого мне так не хватало в понедельник.

За окном шумела вода. В столовой пахло супом, люди обсуждали неудавшуюся экскурсию. Кто-то показывал на телефоне фотографию монастыря, до которого они не доехали. На снимке виднелся только кусок стены и палец фотографа.

— Зато доказательство, что были близко, — сказал мужчина с носками.

В половине десятого всё наконец успокоилось. Я вытерла стол, проверила заявки на утро и поймала своё отражение в тёмном окне. Волосы выбились из хвоста, на подбородке была маленькая капля воды. Я её стёрла.

Телефон лежал под стойкой. Четыре пропущенных от Глеба. Одно сообщение: «Ты где? У тебя свет не горит».

Следом: «Я шарф хотел забрать».

Я набрала его номер.

— Ты почему трубку не берёшь? — спросил он. — Я двадцать минут у подъезда простоял.

— Я на работе.

— Уже десятый час.

— У нас дополнительный заезд. Я согласилась задержаться.

— А предупредить нельзя?

Я посмотрела на ключи в ячейках. Все девять рабочих номеров были заняты, в столовой разговаривали люди, у Петра Ильича как раз убежал из чашки пакетик чая.

— Кого предупредить, Глеб?

Он помолчал.

— Ну меня хотя бы. Я же приехал.

— Ты не сказал, что приедешь. Можешь завтра после шести, я буду дома.

— Ладно. Как работаешь вообще? Не замучили?

В голосе вдруг появилась знакомая забота. Я почувствовала, как легко сейчас начать жаловаться. Рассказать про ноги, про кофе, про то, что боялась не справиться. Он бы посоветовал уйти. Возможно, искренне.

— Устала. Но всё нормально. Мне нужно заканчивать.

— Ну, давай.

Я убрала телефон. Тамара Николаевна вышла из кабинета с распечаткой, проверила часы в табеле и вызвала мне такси.

У двери стоял Денис. Он набирал воду в бутылку.

— Отправили всех спать? — спросил он.

— Почти. Трое в столовой спорят о дороге.

— Значит, до утра ещё маршрут проложат.

Я потянулась за сумкой, и у меня вдруг свело пальцы. Я потрясла кистью. Денис заметил.

— Вам пакет донести?

— Здесь только контейнер.

— Тогда берегите. У гречки тяжёлая судьба.

Я засмеялась, и он улыбнулся в ответ. Не так, как улыбаются администратору за скидку. Я это различила и сразу смутилась от собственной наблюдательности.

В машине водитель спросил, с корпоратива ли я. Я посмотрела на свои мокрые ботинки.

— Почти.

Дома я сняла их у порога и села на пол, потому что до дивана было ещё четыре шага. Ноги гудели. Я не чувствовала ни торжества, ни новой прекрасной жизни. Хотелось душ и хлеба с маслом.

На телефоне появилось сообщение от Аллы: «Ты живая?»

Я сфотографировала свои носки. На одном оказалась дырка.

Она прислала: «Эту ногу завтра выходить не заставляй».

Я всё ещё смеялась, когда поднялась с пола.

Глава 6. Утро без героизма

На следующий день я опрокинула банку с ватными дисками. Они раскатились по ванной, а я стояла и смотрела на них с такой злостью, будто это была заранее согласованная диверсия.

Потом села на край ванны и поняла, что спала пять часов. До смены оставалось сорок минут. Хотелось позвонить и сказать, что у меня внезапно пропал голос, хотя для этого пришлось бы сначала достаточно убедительно заговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.